

ВАГРАМ ПАПАЗЯН

РЕЖИССЕРСКИЕ трюки. Красочные пятна декораций. Пышные костюмы. «Все эти побрякушки, — учил знаменитый Эрнесто Росси, — нужны там, где нет актера».

Всю справедливость этих слов можно было хорошо понять на вечере Ваграма Папазяна в Доме культуры Советской Армении. Спустя две-три минуты после выхода Папазяна, зрительный зал уже забывал, что перед ним на обыкновенной концертной площадке, в обычных будничных костюмах показывается лишь отдельные сцены из бессмертных трагедий Шекспира. Мощное воздействие игры Папазяна, обаяние созданного им образа увлекало, захватывало, покоряло присутствовавших.

Когда артист выступал в роли Отелло, зрители глубоко переживали мрачную трагедию чернокожего генерала Венецианской республики. Когда на сцене Макбет готовился к убийству короля Дункана, зритель чувствовал и понимал душевную драму и колебание убийцы, мысль Шекспира, выраженную им в этой сцене: поднять руку на короля было для поэта английского нового дворянства страшнейшим актом, за которым всегда следовало неизбежно и ужасное возмездие.

20 лет назад — в апреле 1916 года — на родине Шекспира, в Англии, торжественно отмечалось 300-летие со дня смерти величайшего

драматурга человечества. В спектаклях, посвященных этой юбилейной дате, с громадным успехом выступал и Ваграм Папазян. В его лице советский театр обладает выдающимся актером исключительной театральной культуры, изучившим мастерство создания сценических образов под руководством и на примере игры величайших артистов мира.

Ученик Элеоноры Дузе и Сарры Бернар, воспитанник миланской артистической школы, актер «Французской комедии», сын армянского народа, Папазян гастролировал с неизменным художественным триумфом на сценах почти всех столиц Европы. Больше всего привлекали к себе артиста неувядаемые образы театра Шекспира.

Еще юным, безусым актером Па-

Ваграм Папазян.

пазян играл роль Родриго («Отелло»). Начав с третьестепенных образов, он дошел до выступлений во всех наиболее важных ролях шекспировских трагедий («Отелло», «Макбет», «Ричард III», «Гамлет» и др.). К числу наиболее удавшихся ему образов несомненно принадлежит Отелло.

Папазян свободно исполняет роли на французском, итальянском, турецком, армянском, персидском, русском и других языках. В 1928 году он с большим успехом выступал на московской сцене в роли Отелло в Большом театре (на армянском языке) и в бывш. МХАТ 2 (на французском). В те годы театральные журналы писали, что впечатление от игры Папазяна нельзя назвать иначе, как «из ряда вош выходящим».

Несколько лет не выступал артист в Москве. Мы видели в этом году в роли Отелло Остужева, который, по единодушному отзыву и прессы и зрителей, создал незабываемый образ знаменитого майора, у которого страсть подчинила себе разум. Трудно проводить сравнения, тем более, что Папазяна Москва видела на сей раз только в отрывочных сценах и в концертном их исполнении. Но вне сомнения одно: Папазян — замечательнейший исполнитель роли Отелло. Артист мастерски передает постепенное нарастание безумия Отелло, вызванного искусной интригой Яго. Отелло в его трактовке то детски нежен и доверчив, то — в припадке ярости — ужасен, как может быть ужасен обезумевший от резкости страстного уроженец знойной Африки. «Восемь лет, — писал Папазян в 1932 году, — я играл в СССР роль Отелло, много думал, много изменял, пока не нашел полного единения со зрителем».

Жаль, что Папазян пользуется старыми переводами текстов Шекспира, а не переводом А. Радловой. И последний, конечно, не совершен, но он несомненно точнее передает мысли, идеи поэта.

Из-за неудачного перевода, как нам кажется, Папазян делает чрезмерное ударение на расовой проблеме в трагедии. Артист акцентирует на словах Отелло, что причина имени Дедемоны в том, что он — черт. Последующая игра Папазяна, часто даже безмолвная (когда он, например, всматривается в белые, нежные руки Дедемоны, потом сравнивает их со своими, отлившими черным цветом руками и т. д.), все время напоминает об этой мысли и несколько уводит, на наш взгляд, внимание зрителя от существа и причин подлинной драмы Отелло.

Очень удачно проведены были Папазяном сцены из «Макбета». XVI и XVII века были временем, когда, по образному выражению Ромэн Роллана, «новизна и старина делили ложе». Все сильнее звучали идеи гуманизма, и в то же время средневековые не уступало своих позиций. Дороги Англии были густо уставлены десятками тысяч виселиц. Так расправлялась королевская власть с «бродягами», под кличкой которых казнили тогдашних безработных, вынужденных колесить по стране в поисках работы и хлеба. Жизнь человеческая стоила дешево.

Почему же так тяжело переживает Макбет в толковании Папазяна самую мысль о необходимости убить короля? Артист правильно выражает здесь своей игрой одну из центральных идей Шекспира о святости, неизбежности самого института королевской власти, символизировавшей для поэта победу единой Англии над

феодалной раздробленностью страны.

Удачно справилась со своей ролью ленинградская артистка О. Н. Гредякина. Она сумела даже в немногосложных, кратких репликах из отдельных показанных сцен вылить глубоко волнующий образ Дедемоны, образ чистой, любящей и преданной жены, отнюдь не столь легкомысленной кокетки, какой мы ее видим на сцене Малого театра.

Нельзя без возмущения говорить о той обстановке, в которой прошли гастроли Папазяна в Доме культуры Армении. Забудем о том, что перед выступлением Папазяна не было сколько-нибудь широких объявлений и извещений. Простим даже тот факт, что организаторы гастролей не удосужились выпустить для зрителя хотя бы самую коротенькую программу. Но ничем, кроме как безобразным головотяпством, нельзя объяснить того, что на вечере не было даже лица, ведущего программу, что в зале царил невероятный беспорядок (во время хода действия впускали опоздавших), значительно снижавший художественное впечатление от блестящей игры народного артиста Армении.

В лице Папазяна мы имеем одного из замечательнейших сценических истолкователей образов трагедий Шекспира. Сейчас, когда к театру великого драматурга, любима Маркса и Энгельса, как никогда, приковано внимание широких зрительских масс Советского Союза, хотелось бы видеть Папазяна не в концертном исполнении отрывков из пьес Шекспира, а в качестве центрального артиста в одной из его трагедий, идущих на сценах московских театров.

Т. РОКОВ.